

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.89.72.004

Презентативные формы декоративно-прикладного искусства кабардинцев

Унежева Залина Сафаровна

Старший преподаватель кафедры «Архитектурное проектирование, дизайн и ДПИ»,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: z.unezheva@mail.ru

Унежев Кашиф Хаждаутович

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: unejev_k@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются презентативные формы культуры адыгов, которые были весьма развиты, и это были те виды декоративно-прикладного искусства, которые присутствовали исключительно в аристократической среде. Само их существование поддерживалось необходимостью вычленения феодальных групп из общей массы населения. В некоторых случаях сословные потребности являлись причиной и основанием появления отдельных, весьма специфических видов декоративно-прикладного искусства. Декоративно-прикладное искусство народа стало обязательным параметром благородных сословий. Циклично-кочевой характер общественного бытия «аристократических» (сословных) адыгских народов привел к четкому выделению из всего корпуса декоративно-прикладного искусства тех видов, функциональность которых ограничивалась сословной маркировкой. Объекты – носители аристократических видов декоративно-прикладного искусства, будучи выведены «за границы» реальной эффективности с точки зрения повышения комфортности и эффективности жизненных практик, отмечены развитой функциональностью «второго порядка», при которой оптимальность формы и декора объектов декоративно-прикладного искусства достигают максимально возможных показателей оптимальности в координатах их презентативных, сословно селективных социальных ролей. Вполне вероятно, что эволюция и атрибуция наиболее очевидных в смысле своей сословной принадлежности видов прикладных искусств адыгов непосредственно связаны с инокультурными центрами генерации. Общественная функция этих искусств во многом обусловлена видимыми связями с цивилизационными центрами за пределами адыгского мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Унежева З.С., Унежев К.Х. Презентативные формы декоративно-прикладного искусства кабардинцев // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2020.89.72.004

Ключевые слова

Пхъэвакэ, куэншыбэ, узоры, декоративно-прикладное искусство, адыги, презентативные формы.

Введение

В то время как исходные формы декоративно-прикладного искусства (далее – ДПИ), бытовавшие в среде производительных сословий, обретали параметральные черты исключительно в границах утилитарного подхода и поэтому были практически лишены элементов художественного дизайна, тем более автономной и самодостаточной орнаменталистики, ситуация в аристократических слоях адыгских народов была качественно иной. У аристократической части адыгов презентативные формы культуры были весьма развиты, и это были те виды ДПИ, которые присутствовали исключительно в аристократической среде; само существование их поддерживалось необходимостью вычленения феодальных групп из общей массы населения.

Основная часть

Сложившаяся уже к XV в. структура циклически-кочевого (название условное, но вполне точно отражает образ жизни адыгов) хозяйствования была естественным адаптивным инструментом, возникшим в зоне постоянных рисков, в полосе азиатско-европейского, российско-тюркского, конфессионального фронта, который и представляли собой земли Северного Кавказа. Роль воинских страт в сохранении и функционировании этнических сообществ в подобных условиях становилась исключительной, равно как и адатные устои и нормы, фиксировавшие их исключительные права.

Разумеется, в условиях подчеркнутого патернализма адыгского этноса потенциал социальной активности народа концентрировался в маскулинной, мужской его части. Этим объясняется дополнительная специфическая черта кабардинского аристократического ДПИ – четкое гендерное деление, обусловленное «рафинированным» воинским характером жизни нобилей восточных адыгов. Воинские традиции как реликт потестарного устройства общества обусловили особое отношение к составляющим материального благополучия. По свидетельствам современников, образ и условия жизни феодалов и крестьянства практически не различались [Хан-Гирей, 1978, 234-235]. Фактическое отсутствие разницы в материальном обеспечении нобилей и простолюдинов сделало презентативную культуру адыгов значимым маркером сословной дифференциации, в интересующем нас аспекте – ДПИ народа стало обязательным параметром благородных сословий.

Если сам характер занятий адыгской аристократии предполагал некое стремление к созданию функциональных объектов – носителей ДПИ, то у женщин само предназначение объектов декоративных промыслов, равно и их вид, было сугубо социальным – предназначенным акцентировать элитарное положение их владельцев. В некоторых случаях сословные потребности являлись причиной и основанием появления отдельных, весьма специфических видов ДПИ.

Это в полной мере относится к такому виду ремесел, как изготовление и украшение женской обуви – пхэцаукэ (кабардинский вариант – пхъэвакэ). Очевидно и неоспоримо, что

единственным предназначением пхъэвакэ было обозначение феодального статуса владелицы. Затрудненность передвижения на котурнах подчеркнута во многих песнях и чаще всего является знаком обеспеченности девушки, высокого уровня ее опеки со стороны родителей [Народные песни..., 1990, т. 3, ч. 2, 263].

Будучи совершенно неэффективной и неудобной атрибутикой аристократки, пхъэвакэ тем не менее обладали некой функциональностью, так сказать, второго порядка. Став неотъемлемой чертой адыгской дворянки именно как обувь, этот предмет достиг максимальной адаптации в границах его основного предназначения – декларировать высокое социальное положение.

Форма пхэцуакэ со времен их предполагаемого заимствования у жителей античных колоний претерпела значительные изменения. Верхняя площадка значительно сузилась, суммарная же площадь опоры за счет расширения пяточной и носковой ножек возросла. В сущности, если не задаваться вопросом о нужности пхъэвакэ как таковых, то форма их в результате эволюции достигла максимума комфорта и безопасности: соотношение высоты, ширины и устойчивости адыгских котурнов оптимально, естественно, в рамках их социальной нагрузки.

Особым моментом было крепление пхъэвакэ к ноге. Современные реплики национальных котурнов представлены образцами, в которых фиксация ступни производится одной достаточно широкой петлей, прикрепленной к деревянному основанию в районе плюсны или даже у основания пальцев стопы. Однако простое визуальное сравнение старых традиционных котурнов и новейших копий позволяет сделать однозначный вывод о том, что система крепления к стопе у старых пхъэвакэ могла быть намного более рациональной и простой. Речь идет о единичной петле с застежкой, которая плотно охватывает стопу. Одновременно становится понятным назначение нижнего свода опорной площадки котурнов: его выемка задерживала свободную петлю, не давая ей соскальзывать вперед.

Пхъэвакэ декорировались в соответствии с общественным положением женщины – от простых узоров, вырезанных на прочном дереве, до обивки дорогой тканью и накладок из серебра и даже золота. Покрытие плоскостей котурнов листовым металлом означало обязательное наличие на последнем чеканных узоров. Самые «демократичные» пхъэвакэ и самые изукрашенные и дорогие из них были принадлежностью аристократок, и цели маркировать хозяйку как представительницу высших слоев были подчинены и орнаменты обуви.

Изготовление высоких тиарообразных головных женских уборов – также сословно-маркерный вид ДПИ. Классические адыгские женские головные уборы обычно делят на два типа по характеру их украшения – шапки с галунами и шитьем вприкреп и шапки с гладкой вышивкой [Хачиева, www].

И котурны-пхъэвакэ, и высокие женские шапочки были атрибутами аристократок, и с этой точки зрения особо примечательным видится то, что вероятность проникновения этих объектов в быт адыгов из зоны культурного фронта весьма высока. Обычай ношения пхъэвакэ вполне вписывается в обычай ношения высоких котурнов европейскими женщинами, высокие же головные уборы явно родственны итальянским и бургундским энненам и атурам, тем более что последние также играли роль статусных признаков: высота шапок знатных женщин в Европе достигала полуметра и даже больше.

Могли ли высокие головные уборы адыгских девушек происходить из генуэзских колоний-поселений на берегу Черного моря напрямую? Мы не видим в этом ничего невозможного, так как более ни у одного народа Северного Кавказа эти предметы одежды не получили столь повсеместного распространения, а главное – подчеркнутое, можно сказать, рафинированное

качество признака сословной идентификации.

Ни котурны, ни высокая аристократическая женская шапка адыгов не могут быть признаны хоть сколько-нибудь практичными и полезными. И существует по крайней мере еще один атрибут аристократического происхождения, ставший носителем если не отдельного вида ДПИ черкесов, то весьма специфической его разновидности. Речь идет о девичьих корсетах, носившихся вплоть до замужества и призванных скрыть грудь молодой особы, предотвратить ее нормальное физиологическое развитие. Эта особенность гендерного поведения адыгских девушек неоднократно отмечалась сторонними наблюдателями и стала «общим местом» этнической информации. Как и котурны и высокая шапка, корсет-куэншыбэ (фохшбэ) изначально был в ходу только у представительниц высоких сословий. Об этом вполне определенно свидетельствуют западные наблюдатели еще в начале XVIII в. [Мотре, 1974, 131-133]. Абри де ла Мотре описывает семью простолюдина, дочери которого не носили корсетов. Ему вторит С.М. Броневский, упоминая «полную высокую грудь» черкешенок [Броневский, 1823, ч. 2, 102]. Подробное описание корсета мы находим у Хан-Гирея. Хотя он пишет, что корсет носили и простолюдинки [Хан-Гирей, 1978, 250-251], мы должны помнить, что его сведения касаются ситуации первой половины XIX в.

Образцов куэншыбэ, по которым можно с уверенностью судить о дизайне этих предметов, почти не осталось. Но несколько экспонатов, сохранившихся в музеях, позволяют сделать вывод о том, что им также была присуща функциональность «второго порядка». Являясь предметом, который в реальной жизни резко понижал уровень ее комфорта, адыгский корсет служил исключительно эстетическим целям после его распространения по всем сословиям этнического общества. Безусловно, до этого он выполнял такую же социально-маркирующую роль, как котурны и высокая женская шапочка.

Судить о значимости куэншыбэ в качестве образца ДПИ (равно как и о близости ремесла по его изготовлению к искусству) уверенно можно и по сохранившимся образцам. Несмотря на их скрытое ношение, корсеты все-таки украшались, а сам факт изготовления их из разных более или менее нарядных материалов говорит о дифференцированном подходе, избыточном для предметов ремесленного изготовления. Нет никакого сомнения, что куэншыбэ имели свои параметры эстетической достаточности, т. е. воспринимались как объекты декоративно-прикладного характера.

Функции и роль шапочки, котурнов и корсета полностью совпадают с функциями и ролью своих итальянских (генуэзских) аналогов XII-XIII вв., практически аналогичны последним по форме, из чего можно сделать вывод о близком генетическом родстве этих предметов, а главное – эти виды ДПИ, локализуясь в высших сословиях адыгских сообществ, служили своеобразным селективным барьером социальной идентификации, характеристикой и признаком аристократизма. Их инокультурное, иноэтническое происхождение служило дополнительным доказательством и обоснованием права на социальное доминирование (прежде всего в восприятии самих нобилей). Это очень похоже на попытки дворянства различных этносов, в том числе и адыгского, утвердить свое иноязычное, иноэтническое происхождение [Клапрот, 2008, 205-206]. Не только устные предания адыгских благородных фамилий пестрят сведениями об арабском, египетском происхождении, но и сами черкесские нобили даже разработали отличный от общепринятого язык общения – «шахобзэ» [Люлье, 1857, кн. IV, 191].

Удивительно, но сословная маркировка, являвшаяся функцией «женских» объектов ДПИ, сохранялась и в некоторых сугубо маскулинных видах ДПИ, например газырях. С появлением оружия дульного заряжания и его широким распространением газыри стали обязательной

частью амуниции кавказских мужчин и непременным элементом традиционной одежды.

Однако с появлением ружей, заряжавшихся с казенной части, газыри перешли в разряд сугубо декоративных предметов, во всяком случае парадные газыри с серебряными наконечниками. В сущности, они превратились в указатели социального статуса. И в целом обозначение сословно-социальных барьеров отчетливо наблюдается в предназначении компонентов таких моделей витального поведения, как воинское дело, причем в самой непосредственной его конкретике. Казалось бы, занятие воинской деятельностью предполагает абсолютную прагматичность всех материальных и духовных ее составляющих. Однако у адыгов, возведших войну в ранг этикетной деятельности и мировоззрения, сформировались такие подходы в понимании предназначения и роли воинской атрибутики, которые делали возможной сугубо символическую трактовку – опять-таки сословно-социальную – определенных предметов, их использования и, соответственно, их локализацию на шкале народных ремесел и ДПИ.

Наиболее яркий пример перевода конкретного вида ДПИ из военной сферы в статусную – изготовление кинжалов. Как бы парадоксально это ни звучало, уоркам кинжалы в качестве боевого оружия были не нужны. Они – особенно кабардинские – сражались в конном строю, в составе отрядов так называемой «панцирной» конницы. Вполне вероятно, что построение подобных отрядов было «сомкнутым», а основным тактическим приемом на первом этапе боя была массивированная атака плотным клином. Во всяком случае, таким образом можно объяснить успехи кабардинских тяжеловооруженных конников во время многочисленных конфликтов с другими народами Северного Кавказа, в том числе с родственными адыгскими этносами, не имевшими этого рода войск.

В любом случае вооруженные панцирные конники не нуждались в коротко клинковом оружии, во всяком случае в качестве основного. Исходя из здравого смысла, мы можем полагать, что необходимость прибегнуть к таковому означала фактическую неудачу атаки кабардинской панцирной конницы. Именно поэтому кабардинские кинжалы-«къама», во множестве дошедшие до наших дней в качестве семейных реликвий, являются, скорее, декоративными предметами, никак не приспособленными к ведению реальной схватки. Кинжалы, являвшиеся непременным атрибутом адыга в невоенных условиях, отличались укороченной рукоятью и клинком, скрепленными монтажными стержнями, само расположение которых исключало возможность прочного, надежного хвата оружия.

Фольклорные тексты вполне определенно разъясняют нам ситуацию:

«...ШэхужьщэщэщЫрзэтракIутэ
СэукьэнжалитIырзэхаугьэIунщIэ
ЗэпокIуэтри, зэхоувьIэ»¹ [Нарты..., 1974, 136].

Речь в данном случае идет о боевых кинжалах, а сам факт использования в эпическом тексте иноязычного термина говорит нам о том, что информатору данный вид известного, в принципе, вооружения, знаком не был, точнее – в адыгском языке аутентичное название не находилось в активном речевом обороте либо попросту отсутствовало. Это предположение подтверждается тем, что в академическом издании адыгского героического эпоса пояснение также не проясняет характеристик объекта: «сау-кинжалы – род оружия» [Там же, 391].

Поясним, что «сау-кинжал» имеет простое толкование в осетинском языке – «черный

¹ «Десятками белых стрел обсыпают они друг друга; Сау-кинжалами они бьются, Прекращают битву».

кинжал». Такое же название данный тип кинжала имеет и в тюркских языках Северного Кавказа, в частности в карачаево-балкарском – «кара-кама», причем в данном случае становятся вполне прозрачными форма и назначение оружия, так как «черный» в тюркских языках часто не является колоративом. В своей архаике это слово означает «простой», либо «грубый», либо «непарадный» [Древнетюркский словарь, 1969, 423]. Этот вид клинков, в XVIII-XIX вв. ставших повседневным оружием простолюдинов, по всей видимости, некогда выполнял роль длинноклинкового. Его типичные размеры более напоминают о саблях и шашках – до 65 см длиной и шириной лезвия до 5 см [Аствацатурян, 1995, 90]. Рукоятки подобных клинков были лишены или почти лишены декоративных элементов, их форма и размеры определялись соображениями эргономики.

При наличии подобных образцов вооружения специфических терминов для их обозначения не существовало, что должно иметь логичное объяснение. Причина и суть подобных терминологических лакун просты: классический адыгский кинжал выполняет более парадно-декоративную роль, особенно четко это проявляется в кабардинских образцах, отмеченных узостью лезвия и упомянутой короткой рукоятью. Они были настолько излишни в традиционных воинских тактиках адыгской знати, что с появлением шашки (это произошло не позже XIV в.) играли в основном презентативную роль, т. е. в системе этнической культуры функционально находились в том же положении, что и женские котурны и высокие шапочки. Ввиду отсутствия ниши реальной боевой эффективности адыгские кинжалы либо не имели четкого типологического деления, либо достаточно рано утратили его, что и привело к появлению в фольклорных текстах осетинских наименований. Осетины, как и все высокогорные народы Северного Кавказа, нуждались в среднеклинковом холодном оружии, а вот атрибутика конных систем боя у них была почти полностью заимствована (в основном у кабардинцев).

Заключение

В качестве краткого итога нашего обзора ДПИ высших адыгских сословий считаем необходимым и возможным сформулировать несколько взаимосвязанных выводов. Во-первых, циклично-кочевой характер общественного бытия «аристократических», т. е. сословных, адыгских народов привел к четкому выделению из всего корпуса ДПИ тех их видов, функциональность которых ограничивалась сословной маркировкой, выступая в качестве неотъемлемых признаков феодальной принадлежности тех или иных страт общества.

Во-вторых, объекты – носители аристократических видов ДПИ, будучи выведены «за границы» реальной эффективности с точки зрения повышения комфортности и эффективности жизненных практик, отмечены развитой функциональностью «второго порядка», при которой оптимальность формы и декора объектов ДПИ достигают максимально возможных показателей оптимальности в координатах их презентативных, сословно селективных социальных ролей.

В-третьих, как показал краткий обзор наиболее очевидных в смысле своей сословной принадлежности видов прикладных искусств адыгов, их эволюция и атрибутика в общественном сознании адыгов, вероятно, непосредственно связаны с инокультурными центрами генерации, а анализ этиологии образцов – носителей ДПИ демонстрирует, что общественная функция этих искусств действительно во многом обусловлена видимыми связями с цивилизационными центрами за пределами адыгского мира.

Библиография

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. История оружия. М.: Хоббикнига, 1995. 191 с.
2. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. 465 с.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.
5. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами: черкесами, абхазцами и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1857. Кн. IV.
6. Мотре А. Путешествие господина А. де ла Мотре в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.
7. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1990. Т. 3. Ч. 2. 488 с.
8. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Восточная литература, 1974. 415 с.
9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 336 с.
10. Хачиева А.С. Адыгская женская шапочка. URL: <http://aprobacia.ru/adyigskaya-zhenskaya-shapochka.html>

Presentation forms of the arts and crafts of the Kabardians

Zalina S. Unezheva

Senior Lecturer at the Department of architectural engineering, design and arts and crafts,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: z.unezheva@mail.ru

Kashif Kh. Unezhev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor at the Department of ethnology,
the history of the peoples of the Kabardino-Balkarian Republic and journalism,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: unegev_k@mail.ru

Abstract

The article deals with the presentational forms of Adyghe culture, which were well developed, and these were the types of arts and crafts that were present exclusively in the aristocratic environment. Their very existence was supported by the need to separate feudal groups from the general population. In some cases, class needs were the reason and basis for the appearance of separate, very specific types of arts and crafts. The people's arts and crafts have become a mandatory parameter of the noble classes. The cyclical and nomadic nature of the social life of the "aristocratic" Adyghe peoples led to a clear separation of those types, whose functionality was limited to class marking, from the entire body of arts and crafts. Objects that were carriers of aristocratic types of arts and crafts, being taken "beyond the boundaries" of real efficiency in terms of improving the comfort and efficiency of life practices, are marked by a developed "second-order" functionality, in which the optimality of the form and decor of objects of arts and crafts reaches the maximum possible optimality indicators in the coordinates of their presentative, class-selective social roles. The evolution and attribution of the most obvious types of arts and crafts in the sense of their class

affiliation are likely to be directly related to the foreign cultural centres of generation. The social function of these arts is largely due to visible connections with civilisational centres outside the Adyghe world.

For citation

Unezheva Z.S., Unezhev K.Kh. (2020) Presentativnye formy dekorativno-prikladnogo iskusstva kabardintsev [Presentation forms of the arts and crafts of the Kabardians]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2020.89.72.004

Keywords

Pjevanje, kwenchana, patterns, arts and crafts, Adyghe people, presentation forms.

References

1. Astvatsuryan E.G. (1995) *Oruzhie narodov Kavkaza. Istoriya oruzhiya* [The weapons of the peoples of the Caucasus. A history of weapons]. Moscow: Khobbikniga Publ.
2. Bronevskii S.M. (1823) *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus], Part 2. Moscow.
3. *Drevnyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary] (1969). Leningrad: Nauka Publ.
4. Khachieva A.S. *Adygsкая zhenskaya shapochka* [Adyghe women's caps]. Available at: <http://aprobacia.ru/adygskaya-zhenskaya-shapochka.html> [Accessed 18/04/20].
5. Khan Giray (1978) *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Nalchik: El'brus Publ.
6. Klaproth J. (1812) *Reise in den Kaukasus und nach Georgien: unternommen in den Jahren 1807 und 1808*. (Russ. ed.: Klaproth J. (2008) *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh*. Nalchik: El'-Fa Publ.)
7. Lyul'e L.Ya. (1857) *Obshchii vzglyad na strany, zanimayemye gorskimi narodami: cherkessami, abkhaztsami i drugimi smezhnymi s nimi* [The general view of the countries occupied by the mountain peoples: the Circassians, Abkhazians, and others related to them]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society], Book 4. Tiflis.
8. Mottraye A. (1723) *A. de la Mottraye's travels through Europe, Asia and into parts of Africa*. (Russ. ed.: Mottraye A. (1974) *Puteshestvie gospodina A. de la Motre v Evropu, Aziyu i Afriku*. In: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [The Adyghe people, Balkars and Karachays in the eyes of European authors from the 13th century to the 19th century]. Nalchik: El'brus Publ.)
9. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [The folk songs and instrumental tunes of the Adyghe people] (1990), Vol. 3-2. Moscow: Sovetskii kompozitor Publ.
10. *Narty. Adygskaia geroicheskii epos* [The sled. Adyghe heroic epos] (1974). Moscow: Vostochnaya literatura Publ.